

важно на ранних этапах первичной социализации личности уделять этому вопросу много времени и ресурсов. Ведь укрепление идентичности – это залог сохранения межкультурного мира и согласия.

Список литературы

1. Берри Дж. В. Как мы будем жить все вместе? Альтернативное видение межкультурных отношений / Дж. В. Берри // Кросс-культурная психология: актуальные проблемы: Сб. статей / Под ред. Л.Г. Почебут, И.А. Шмелевой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 377 с.
2. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. – М. Старый сад, 1999. – 158 с.
3. Солдатова Г.У. Психология межкультурной напряженности / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 252 с.
4. Солдатова Г.У. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Под ред. Л.М. Дробижевой и др. – М.: Мысль, 1996. – С. 296–367.

УДК 159.9

ВЛИЯНИЕ НАРУШЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ НА СПЕЦИФИКУ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Сулимова И.В.,

Дворак В.Н., канд. пед. наук, доц.

УО «Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины»,
г. Гомель
mail@gsu.by

Теория привязанности зародилась в 60-х годах XX века в недрах глубинной психологии. Как и психоанализ, свое развитие она получила из клинической практики. Основателем теории привязанности считается Дж. Боулби, изучавший взаимодействие ребенка с взрослыми, которое он обозначил термином «привязанность». Привязанность понимается им как форма эмоциональной коммуникации, основанная на удовлетворении взрослыми формирующейся потребности ребенка в безопасности и любви. В рамках этого подхода привязанность к взрослым рассматривается как основной фактор развития ребенка в первые годы его жизни, основным моментом является изучение адаптационных механизмов взаимодействия в диаде «мать-ребенок» [1].

Привязанность как мотивационно-поведенческая система складывается к концу первого года и становится тем базисом, на котором происходит дальнейшее развитие личности ребенка. К этому возрасту у ребенка складывается важнейшее психологическое образование, которое Дж. Боулби назвал «внутренняя рабочая модель». В центре рабочей модели находится

связанные между собой модель себя и объекта привязанности. Считается, что наиболее благополучная рабочая модель складывается у детей, чьи родители оказывают заботу о них, эмоциональную поддержку, но, в то же время, поддерживают самостоятельную активность и автономию ребенка. С возрастом рабочие модели становятся все более устойчивыми, привычными, и практически не поддаются сознательному контролю [2].

Поскольку привязанность как способность формировать длительные близкие отношения распространяется на весь онтогенез, сформированная привязанность (её качество) в раннем возрасте непосредственно влияет на дальнейшие успехи человека в семейной жизни, профессиональные достижения, общение в целом (как уровень компетентности в социальной адаптации). В норме привязанность позволяет реализовать основные эволюционно-биологические задачи человека как представителя своего вида и пройти адекватный онтологический путь – оставить здоровое потомство, иметь адекватную социальную реализацию, решить задачи личностного развития, преодолеть проблемы детской травматизации [3].

Проблемой качественной характеристики феномена привязанности занимались ассистентка Дж. Боулби М. Эйнсворт (Ainswort). Ею исследовалось поведение ребенка в ситуации короткого разлучения с матерью, которое воспринимается им как ситуация небезопасности. В результате наблюдения за годовалыми детьми в незнакомой ситуации, были выделены три разные типа по качеству привязанности, а позднее М.Мэйн (Main) добавила к существующей классификации еще четвертый, дополнительный тип привязанности:

- дети с надежной привязанностью;
- дети с ненадежной привязанностью и избегающим поведением;
- дети с ненадежно-амбивалентной привязанностью;
- паттерны с ненадежно-дезорганизованной привязанностью [2, с. 234].

Первоначальные типы привязанности, описанные М. Эйнсворт, представляют собой специфические адаптационные паттерны в рамках нормальных отношений между матерью и ребенком. Модели поведения, описанные М. Мэйн как «дезорганизованный паттерн», не могут рассматриваться как адаптационные стратегии. Они указывают на то, что у детей с таким паттерном привязанности в стрессовой ситуации расставания и воссоединения не было адекватной модели поведения [4].

В последние десятилетия проводился ряд исследований с целью прояснения вопроса о природе типа привязанности. Исследование М. Стил и Х. Стил (Still&Still) показало, что паттерны привязанности передаются от родительского поколения к поколению детей, потому что в 70% случаев оказывалось, что существует соответствие между репрезентацией привязанности родителей и типом привязанности их детей (надежная, ненадежно-избегающая, ненадежно-амбивалентная) [4, с. 64].

В Германии группой ученых под руководством К.Х. Бриш (Brisch) было проведено исследование развития привязанности младенцев, родившихся

очень маленькими и недоношенными. В возрасте 14 месяцев (возраст с поправкой на преждевременные роды) у 60,3% детей отмечалась надежная привязанность, у 23,5% – ненадежно-избегающая, у 2,9% – ненадежно-амбивалентная, и у 10,3% – дезорганизованная привязанность к матери; 2,9% недоношенных не удалось отнести ни к какому паттерну привязанности. В возрасте 6 лет лишь у 39,1% бывших недоношенных отмечалась надежная привязанность, у 47,8% была избегающая и у 13% – дезорганизованная привязанность к матери [4, с. 65].

Результаты данного исследования показывают, что преждевременные роды сами по себе не обязательно приводят к развитию ненадежной привязанности. У детей с функциональным неврологическим нарушением чаще отмечалась ненадежная и дезорганизованная привязанность, а у детей с нормальным неврологическим развитием – надежная, независимо от статуса привязанностей их матерей. Однако неврологическое развитие недоношенных является существенным фактором риска, так как с неврологической инвалидностью часто связана ненадежная привязанность [4, с. 66].

В результате интеграции показателей, относящихся к социальному взаимодействию, и критериев, важных для привязанности К. Х. Бриш выделил следующие типы нарушения привязанности: отсутствие поведенческих признаков привязанности; недифференцированность в проявлениях привязанности; чрезмерность в проявлениях привязанности; робкое поведение привязанности; агрессивность в проявлении привязанности; привязанность, сопровождающаяся инверсией ролей; нарушение привязанности с болезненными влечениями; психосоматическая симптоматика [4, с. 94].

Таким образом, хотя тенденция к формированию привязанности имеет эволюционно-генетическое происхождение, само качество привязанности зависит от внешних факторов – главным образом от опыта первых отношений с матерью.

Формирование надежной привязанности ребенка – это защитный фактор, который делает ребенка более выносливым и способным справляться с новыми нагрузками и стрессорами, а также предотвращает риск психического дизонтогенеза. Однако в ряде случаев может формироваться нарушение привязанности.

Поскольку привязанность распространяется на весь онтогенез, ее нарушение в дальнейшем сказывается на всех сферах жизни: семейной жизни, профессиональных достижениях, социальной реализации, личностном развитии.

Список литературы

1. Григорова Т.П. Личность и совладающее поведение субъекта деструктивной привязанности в партнерских отношениях / Т.П. Григорова // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 26–28 сент. 2013 г.: в 2 ч. / редкол.: М.В. Сапоровская (гл.ред.) [и др.]. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – Ч. 2. – С. 181 – 185.

2. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби. – М. : «Гардарики», 2003. – 480 с.
3. Пилягина Г. Я. Нарушения привязанности как основа формирования психопатологических расстройств в детском и подростковом возрасте / Г.Я. Пилягина, Е. В. Дубровская // Мистецтво лікування. – 2007. – № 6. – С. 71–79.
4. Бриш К. Х. Терапия нарушений привязанности. От теории к практике / К.Г. Бриш. – М.: Когито-Центр, 2012. – 315 с.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДЕТЕЙ ДОНБАССА

Таранова О.А.,

Андреева И.А., канд. психол. наук, доц.

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков, г. Горловка

evelina11arina14@mail.ru

Проблема личности и мировоззрения изучается разными науками, между ними как психологическими образованиями существует тесная связь. Современный период развития общества претерпевает социальные преобразования, характеризующиеся сложностью и неоднозначностью протекания социальных процессов, что накладывает отпечаток на духовно-нравственный мир развития личности.

Мировоззрение – это система взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации. Мировоззрение является сложным психологическим образованием, состоящим из интеллектуального, побуждающего и действенно-практического компонентов, а также является ядром общественного и индивидуального сознания [4, с.215].

К теоретико-методологическим исследованиям мировоззрения можно отнести работы Т.И.Адуло, Е.А.Алексеевой, А.И.Антипенко, М.Г.Ашманиса, Е.К.Быстрицкого, В.А.Героименко, И.И.Жбанковой, В.П.Иванова, Д.А.Леонтьева, В.К.Лукашевич, Р.А.Смирновой, Д.И.Широканова и др. [2, с. 90].

Анализ понятия «мировоззрение» основывается на общей концепции личности. Соответственно, можно говорить о социально-историческом характере взаимосвязи личности и мировоззрения, о роли деятельности в их формировании, а также о том, что сформированная позиция личности и мировоззрения определяют характер деятельности и поведения человека. Применение личностного подхода и принципа единства эмоционального и интеллектуального нашло отражение в теоретических позициях авторов, которые занимаются проблемой мировоззрения и его формирования. В советской психологии на основе культурно-исторического понимания психики